

V. О книгѣ Пѣснь Пѣсней.

I.

Книга Пѣснь Пѣсней распадается на *шесть* отдѣленій, въ которыхъ съ различныхъ сторонъ изображается взаимная любовь жениха и невѣсты.

Въ *первомъ* отдѣленіи Возлюбленная выражаетъ сильное желаніе видѣть и лобызать своего Возлюбленного, и высказываетъ свое чувство къ нему въ описаніи его красоты; сознаетъ свой недостатокъ красоты, чтобы быть достойною любви такого прекраснаго, но извиняя этотъ недостатокъ обстоятельствами, снова выражаетъ стремленіе свое къ Возлюбленному (1, 1—7). Отвѣчая, Возлюбленный обѣщаетъ украсить ее и сдѣлать прекрасною, и отсюда начинается между ними разговоръ, въ которомъ они взаимно другъ другу выражаютъ глубокое чувство любви (8, 2,—7).

Во *второмъ* отдѣленіи содержится изображеніе грѣзъ Возлюбленной во снѣ: она слышитъ голосъ Возлюбленного, который идетъ къ ней и зоветъ ее къ себѣ—насладиться вмѣстѣ прелестями наставшей весны и изъясляетъ желаніе, чтобы вредныя для виноградниковъ животныя были пойманы, и чтобы Возлюбленный ея скорѣе шелъ къ ней (15—17). Отъ избытка любви къ Возлюбленному въ ночномъ видѣніи, она спѣшитъ ночью въ городъ—искать своего Возлюбленного и находить его, при чемъ снова выражается ихъ взаимная пламенная любовь (3, 1—5).

Содержаніе *третьяго* отдѣленія слѣдующее: жители Иерусалима, или—можетъ быть—друзья жениха и невѣсты видятъ царскій одръ, несомый отъ пустыни, и выражаютъ свой восторгъ при взглядѣ на прекраснаго царя (3, 6—11). Затѣмъ Возлюбленный выражаетъ чувство любви къ своей Возлюбленной въ подробномъ изображеніи красоты ея и призываетъ ее къ себѣ, чтобы насладиться вмѣстѣ съ нею плодами прекрасныхъ садовъ, которыя имѣетъ у себя Возлюбленный (4, 1—5, 1).

Въ *четвертомъ* отдѣленіи Возлюбленная рассказываетъ дѣвамъ Иерусалимскимъ, какъ она слышала разъ во снѣ голосъ своего Возлюбленного, который приходилъ къ ней, но опять ушелъ, и какъ она искала его по городу, при чемъ встрѣтившіеся стражи города прибили еѣ (5, 2—8). На вопросъ дѣвъ: что особеннаго въ ея Возлюбленномъ, что она болитъ отъ любви къ нему, она отвѣчаетъ восторженнымъ описаніемъ

красоты своего Возлюбленнаго (9—16). Въ отвѣтъ на эту похвалу дѣвы желаютъ вмѣстѣ съ нею искать его, и она указываетъ имъ мѣсто, гдѣ онъ находится, а онъ снова выражаетъ къ ней любовь свою въ восторженномъ описаніи красоты ея (6, 1—9).

Содержаніе *пятого* отдѣленія слѣдующее: опять жители Иерусалима или—можетъ быть—подруги Возлюбленной, дѣвы Иерусалимскія, какъ бы не узнавая ея, спрашиваютъ—кто это, и узнавъ отъ нея самой, что это она, восхищаются ея красотой (6, 10—7, 6). Точно такъ же восхищается ею и Возлюбленный, а она имъ, сожалѣя, что онъ не братъ ей, и что ей нельзя поэтому лобзать его при всѣхъ (7, 7—8, 3).

Наконецъ въ *шестомъ* отдѣленіи является Возлюбленная идущая отъ пустыни опершись на руку Возлюбленнаго своего, при чемъ она кратко выражаетъ всю силу своей любви къ нему (8, 5—7); послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній братьевъ Возлюбленной, и выраженія взаимныхъ чувствъ между нею и Возлюбленнымъ, вся книга заключается выраженіемъ желанія Возлюбленной, чтобы онъ скорѣе сиѣшилъ къ ней (8, 8—14).

II.

Въ виду неодинаковыхъ возрѣній на смыслъ книги Пѣснь Пѣсней мы не будемъ вставать рѣшительно на сторону какого либо существующаго взгляда, не ознакомившись предварительно съ другими. Безпристрастная оцѣнка по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ возрѣній сама собою можетъ показать, какого изъ нихъ мы должны держаться при опредѣленіи главной мысли книги „Пѣснь Пѣсней“ и анализѣ раскрытія ея въ книгѣ. Все разнообразіе толкованій на книгу „Пѣснь Пѣсней“ сводится къ тремъ главнымъ видамъ: а) аллегорическому, б) буквальному и в) типическому.

а) Сущность аллегорическаго толкованія состоитъ въ томъ, что все содержаніе книги и отдѣльныя части ея изъясняются въ смыслѣ высшемъ, таинственномъ, и только принятіемъ такого смысла объясняется и ея высокое наименованіе Пѣснью Пѣсней, и ея принятіе въ канонѣ свящ. книгъ. Аллегорическое пониманіе этой книги было всеобщимъ и почти не встрѣчало себѣ противорѣченія ни въ Иудейской синагогѣ, ни въ Христіанской церкви, ни между учеными изслѣдователями древностей и священной письменности Еврейскаго народа до самаго XVIII вѣка. (Это показано ниже).—Что касается до того, какая именно аллегорія заключается въ книгѣ, то и

объ этомъ въ разные времена были неодинаковыя мнѣнія. Въ изображеніяхъ представленныхъ здѣсь отношеній между двумя Любящимися видѣли главнымъ образомъ, въ церкви Иудейской—образъ отношеній Иеговы къ народу Еврейскому, а въ Церкви Христіанской—И. Христа къ Церкви вообще, и къ каждой благочестивой душѣ въ частности.

а) Буквальное пониманіе не хочетъ видѣть въ Пѣсни Пѣсней никакого другаго смысла, кромѣ того, который непосредственно представляется самымъ внѣшнимъ содержаніемъ ея, хотя до сихъ поръ не можетъ опредѣлить съ точностью, что именно составляетъ предметъ непосредственнаго буквально понимаемаго содержанія сей книги. Имѣло ли мѣсто пониманіе сего рода между древними Иудеями, этого по неопредѣленности нѣкоторыхъ свидѣтельствъ раввиновъ положительно рѣшить нельзя. Между христіанами единственными представителями его до XVIII вѣка являются извѣстный: Θεодоръ Мопсуетскій (5 в.) и потомъ спустя долгое время нѣкто Кастеллій (XVI в.); попытки того и другаго встрѣчены были всеобщю непріязнью. Собственно же начало существующему въ настоящее время въ западныхъ школахъ буквальному пониманію Пѣсни Пѣсней положилъ раціонализмъ XVIII-го вѣка. Разсматривая свящ. книги Ветхаго Завѣта наравнѣ съ произведеніями другихъ восточныхъ литературъ, принимая священныя канонъ за сборникъ національной письменности Еврейской, крайніе изъ раціоналистовъ въ Пѣсни Пѣсней видѣли эротическій отдѣлъ національной поэзіи, — основываясь между прочимъ на томъ не мудромъ и не глубокомъ предположеніи, что должна же была и Еврейская поэзія, какъ поэзія другихъ народовъ и особенно восточныхъ, имѣть произведенія эротическаго содержанія. Не имѣя возможности, при своемъ воззрѣніи, найти въ Пѣсни Пѣсней единства въ идеѣ и послѣдовательности въ развитіи, буквалисты первоначально представляли ее какъ собраніе многихъ ничѣмъ не связанныхъ между собою стихотвореній эротическаго содержанія. Ея наименованіе Пѣснью Пѣсней объяснялось при этомъ ими вопреки значенію этого выраженія на Еврейскомъ языкѣ, именно тѣмъ, что она есть Пѣснь, состоящая изъ многихъ пѣсней, или эстетическимъ достоинствомъ составляющихъ ее произведеній, а принятіе въ канонъ объяснилось тѣмъ, что для составителей канона должны были быть канонически святы всѣ остатки ихъ народной поэзіи.—Такой взглядъ не удовлетворялъ однако самихъ болѣе строгихъ послѣдователей

буквальнаго смысла, и вслѣдствіе этого стали дѣлать попытки открыть единство въ книгѣ Пѣсни Пѣсней. Попытки эти опять, по сознанію самихъ же буквалистовъ, долго оказывались неудачными. Наконецъ уже въ новое время извѣстному Эвальду удалось представить Пѣснь Пѣсней, какъ одно связное, проникнутое глубокою и послѣдовательно развивающеюся идеею, произведеніе. Но что же у него и вышла за книга Пѣснь Пѣсней! Какъ вѣрно почти понялъ онъ воззрѣніе книги Екклезіаста, такъ не вѣрно смотрѣлъ на Пѣснь Пѣсней. По его представленію, Пѣснь Пѣсней есть драма, въ которой изображается непоколебимость чистой пламенной любви и торжество ея противъ всѣхъ оболъщенныхъ почести и богатства. Главнымъ лицомъ драмы является Суламитянка, простая чистосердечная, наивная и невинная поселанка сѣверной Палестины, разлученная съ горячо любимымъ ею пастухомъ—соотечественникомъ ея. Удалившись далеко отъ своего дома, она встрѣчена была поѣздомъ царя Соломона, отправлявшимся въ свой загородный дворецъ, находившійся въ Бааль-Гамонѣ, близъ мѣста родины Суламитянки. Ея красота изумила наперсницъ блистательнаго царя и плѣнила его сердце. Царь взялъ ее въ свой дворецъ; но она осталась вѣрною своему возлюбленному, и тоскливыми порывами къ нему отвѣчала на всѣ ласки, подарки и обѣщанія царя, пока наконецъ онъ не отпустилъ ее. Счастливое соединеніе бракомъ любящихся составляетъ торжество любви и вѣрности, и заключательный моментъ драмы.—Высокое наименованіе книги и принятіе ея въ канонъ объясняется при этомъ воззрѣніи, кромѣ эстетическихъ достоинствъ ея, глубиною и нравственнымъ достоинствомъ идеи, лежащей въ основаніи ея. У воззрѣнія Эвальда есть довольно сторонниковъ между послѣдователями буквальнаго пониманія Пѣсни Пѣсней и въ послѣднее время (1854 г.) оно обработано Мейеромъ.

в) Типическое пониманіе книги Пѣснь Пѣсней занимаетъ средину между аллегорическимъ и буквальнымъ, стараясь совмѣстить въ себѣ то и другое. Первые зачатки его являются у Гуго Гроція, Боссюэта и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ они, признавая аллегорическій смыслъ книги, допускали сверхъ того буквальный. Но собственно первымъ представителемъ типическаго пониманія книги Пѣснь Пѣсней въ его современномъ видѣ является Гофманъ. Его воззрѣніе отъ воззрѣній предшествовавшихъ толкователей того же направленія существенно отличается тѣмъ, что онъ не раздѣляетъ буквальнаго

и таинственного смысла книги, но совмѣщаетъ тотъ и другой въ одномъ типическомъ. По представленію Гофмана, въ книгѣ Пѣснь Пѣсней изображается бракъ Соломона, и изображается въ такихъ чертахъ, въ какихъ мы должны представлять его по его идеѣ, въ какихъ онъ долженъ являться по первоначальной мысли своего Божественнаго Учредителя. Уже по этому самому книга Пѣснь Пѣсней, какъ представленіе Самимъ Богомъ учрежденнаго важнѣйшаго изъ земныхъ отношеній между людьми, и притомъ какъ представленіе единственное въ Ветхомъ Завѣтѣ, является достойною и своего высокаго названія, и помѣщенія въ своемъ канонѣ. Но кромѣ этого, по мнѣнію Гофмана, книга имѣетъ еще и другое важное значеніе. Въ свѣтлыхъ изображеніяхъ брачныхъ отношеній во времена Соломона, здѣсь представляется намъ вообще образъ свѣтлаго, спокойнаго и счастливаго царствованія Соломона. Такимъ образомъ, книга Пѣснь Пѣсней въ историческомъ отношеніи получаетъ значеніе равное съ книгами Судей, Руоь, Царствъ, и входитъ въ Ветхозавѣтный канонъ, какъ представленіе одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи гражданской и церковной жизни народа Еврейскаго, а слѣдовательно и въ развитіи идеи искупленія человечества, приготавлиаемаго въ судьбѣ этого народа. Наконецъ, такъ какъ Соломонъ былъ прообразомъ Мессіи, то и описаніе брачныхъ отношеній его, въ таинственномъ смыслѣ, служитъ образомъ отношеній Иисуса Христа къ Церкви, и книга Пѣснь Пѣсней предображаетъ Мессію въ состояніи Его прославленія, какъ нѣкоторыя псалмы Давида предображаютъ Его въ состояніи униженія. Воззрѣніе Гофмана въ послѣднее время обработано особенно Деличемъ. Послѣ этого краткаго очерка главнѣйшихъ взглядовъ на книгу Пѣснь Пѣсней разсмотримъ основанія, на которыхъ утверждается каждый изъ нихъ.

III.

Аллегорическое пониманіе Пѣсни Пѣсней опирается на самое твердое—*историческомъ* основаніи. Всѣ свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о сей книгѣ отъ церкви Іудейской и Христіанской (а этихъ свидѣтельствъ множество), единогласно утверждаютъ, что въ той и другой церкви Пѣснь Пѣсней была понимаема въ смыслѣ аллегорическомъ, и никакого другаго пониманія не допускалось подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви.

Правда, мы не имѣемъ изъ древнѣйшихъ временъ Иудейской церкви ни одного яснаго и прямого указанія на то, какъ понимаема была Пѣснь Пѣсней во времена, близкія ко времени происхожденія ея; но, по крайней мѣрѣ, противники пониманія аллегорическаго не могутъ представить никакого указанія на то, что она понимаема была въ эти времена иначе, нежели въ позднѣйшія, т. е., не аллегорически. Напротивъ, довольно твердое доказательство того, что книга эта, вслѣдъ за появленіемъ своимъ, была понимаема въ смыслѣ аллегорическомъ, находится уже въ самомъ наименованіи или надписаніи ея. Надписаніе „Пѣснь Пѣсней“, очевидно, нельзя понимать такъ, что это есть пѣснь, составленная изъ многихъ пѣсней. По свойству Еврейскаго языка, по параллелизму съ другими мѣстами писаній Ветхозавѣтныхъ, въ которыхъ находятся подобныя выраженія, видно, что Пѣснь Пѣсней есть то же, что пѣснь высокая, наилучшая, прекраснѣйшая, вѣнецъ пѣсней. А какъ могла бы эта пѣснь быть наименована вѣнцемъ высокихъ Богодухновенныхъ пророческихъ пѣсней, помѣщенныхъ въ одномъ съ нею канонѣ, если бы она, по буквальному пониманію, заключала описаніе простой житейской любви. Самые противники аллегорическаго пониманія книги въ надписаніи ея не могутъ не признать доказательства того, что авторъ надписанія хотѣлъ выразить имъ, что книга должна быть понимаема не просто. Если бы надписатель, говоритъ одинъ изъ нихъ (Магнусъ—у Генгстенберга, стр. 250), смотрѣлъ на пѣснь эту, какъ на простую пѣснь любви, то наименованіемъ ея (Пѣснью Пѣсней) онъ сдѣлалъ бы подлинный пасквиль на всѣ прочія писанія Ветхаго завѣта. Какой Израильтянинъ осмѣлился бы свѣтское стихотвореніе предпочесть многимъ Божественнымъ псалмамъ, пѣснямъ Моисея, Маріамы, Девворы, Анны, Давида, Боговдохновеннымъ рѣчамъ Пророковъ, которыя называются только просто пѣснями.

Далѣе, принятіе книги Пѣснь Пѣсней въ канонъ свящ. книгъ служить очевиднымъ доказательствомъ того, что составители канона, основываясь, безъ сомнѣнія, на древнемъ преданіи своей Церкви и на всеобщемъ убѣжденіи, понимали книгу въ аллегорическомъ смыслѣ. Предположеніе, что она, и при буквальному смыслѣ своемъ, могла быть помѣщена въ канонъ ради своихъ эстетическихъ достоинствъ, или потому, что для составителей канона долженъ былъ казаться канонически-священнымъ каждый остатокъ ихъ древней національной поэзіи, очевидно, основывается на томъ невѣрномъ поня-

тии о канонѣ, по которому считаютъ его простымъ сборникомъ народной Еврейской литературы. Но противъ такого понятія о канонѣ, равно какъ противъ основывающихся на немъ ложныхъ мнѣній о правилахъ, какими руководствовались при внесеніи въ него священныхъ книгъ, много свидѣтельствъ. Касательно внесенія въ канонъ священныхъ книгъ Пѣсни Пѣсней есть прямое свидѣтельство раввина Нааана, что книга эта не прежде была внесена въ канонъ, какъ по единогласномъ рѣшеніи, что содержаніе ея не свѣтское, но духовное, Божественное. Этимъ же свидѣтельствомъ опровергается и то мнѣніе, что Пѣснь Пѣсней помѣщена въ канонъ по высотѣ и нравственному достоинству идеи, лежащей въ основаніи ея *буквально* понимаемаго содержанія. Что же касается до того мнѣнія, что авторитетъ Соломона, какъ писателя, могъ доставить книгѣ мѣсто въ канонѣ; то оно опровергается тѣмъ, что Соломону, какъ извѣстно, приписывается тысяча и пять пѣсней, и однакожь ихъ нѣтъ въ канонѣ.

Вообще, всѣ объясненія принятія книги Пѣсни Пѣсней въ канонъ, приводимыя защитниками буквальнаго пониманія ея, выказываютъ только неправильное понятіе ихъ о канонѣ Ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Не входя въ раскрытіе истиннаго понятія о значеніи его, скажемъ только съ Генстенбергомъ, что „въ настоящее время вообще признанъ тотъ взглядъ, что необходимымъ требованіемъ для принятія въ канонъ было не только религіозное содержаніе книги, но еще святость, основывающаяся на Божественномъ вдохновеніи“. А если понимать Пѣснь Пѣсней въ буквальномъ смыслѣ, она не имѣетъ не только Богодуховеннаго достоинства, но даже просто религіознаго содержанія. Высказанное нами, повидимому, можетъ имѣть силу опроверженія только противъ послѣдователей буквальнаго пониманія книги. Что же касается до типическихъ истолкователей ея, то они хвалятся тѣмъ, что при ихъ пониманіи и даже съ точки зрѣнія церковной Пѣснь Пѣсней имѣетъ болѣе правъ на принятіе въ канонъ, нежели при аллегорическомъ, именно: какъ изображеніе высокой религіозно-нравственной идеи брака, какъ изображеніе исторіи Еврейскаго народа и Церкви во времена Соломона, и какъ прообразовательное въ бракѣ представленіе союза Христа съ Церковію, эта книга имѣетъ каноническую важность не въ одномъ только, но даже въ трехъ отношеніяхъ, какъ религіозно-нравственная, какъ церковно-историческая и какъ прообразовательная (Деличь, стр. 43). Но нужно вникнуть, какъ

понимають и выводятъ эти толкователи религіозно-нравственное, церковно-историческое и прообразовательное значеніе книги. Ихъ понятія существенно отличны отъ того понятія, которое соединяетъ съ сими словами Церковь. По воззрѣнію Делича, Соломонъ, безъ всякаго сверхъестественнаго откровенія, даже безъ особеннаго религіозно-нравственнаго намѣренія, представилъ въ книгѣ Пѣснь Пѣсней идею брака, взятую ли съ его дѣйствительнаго брака съ Суламитянкою, или созданную его поэтическою фантазією, и, такимъ образомъ, произведеніе его въ собственномъ смыслѣ есть обыкновенное поэтическое созданіе (какъ смотрятъ на него и послѣдователи простаго буквального пониманія). Но силою его поэтическаго дара (и только ею одною) идея брака представлена здѣсь въ такихъ чистыхъ и высокихъ чертахъ, въ какихъ представляетъ ее чистое религіозное наше воззрѣніе; и, такимъ образомъ, Пѣснь Пѣсней получила религіозно-нравственное значеніе. Въ представленіи этомъ,—въ характерѣ, дѣйствіяхъ, и отношеніяхъ лицъ дѣйствующихъ самъ собою отразился (какъ обыкновенно это бываетъ, въ высокихъ поэтическихъ созданіяхъ) характеръ той эпохи, въ которой создано произведеніе; и, такимъ образомъ, Пѣснь Пѣсней получила историческое значеніе. Въ чистой и пламенной любви *брачующихся* лицъ безъ всякаго особеннаго намѣренія сверхъестественнаго, безъ намѣренія самого писателя, какъ вообще въ чистой и пламенной любви брачной, самъ собою представился достойнѣйшій образъ отношеній между Христомъ и Церковію, и такимъ образомъ, Пѣснь Пѣсней получила прообразовательное значеніе, какъ получило бы его и всякое прекрасное поэтическое представленіе чистой идеи брака. Такова сущность воззрѣнія Делича. Очевидно, что это воззрѣніе есть тоже буквальное раціоналистическое, только насильственно замаскированное заимствованными понятіями церковно-христіанскими. Поэтому все, что мы сказали относительно принятія Пѣсни Пѣсней въ канонъ противъ буквального пониманія ея, имѣетъ мѣсто и здѣсь. Пѣснь Пѣсней есть произведеніе обыкновенное поэтическое; смыслъ религіозно-нравственный, историческій и прообразовательный она получила случайно, вслѣдствіе удачнаго представленія въ ней брака Соломонова,—неужели поэтому она могла быть внесена въ канонъ? Неужели составители канона и вся Церковь Іудейская и Христіанская могла обмануться, не отличить произведенія обыкновеннаго поэтическаго отъ Богодухновеннаго, священнаго? Если бы и такъ; если бы

дѣйствительно составители канона, учителя Іудейскіе и Христіанскіе считали книгу Пѣснь Пѣсней, при буквальной пониманіи ея, религіозно-нравственною, историческою, прообразовательною (какъ считаетъ Деличъ): то зачѣмъ они искали для нея смысла аллегорическаго, только имъ оправдывали священное каноническое достоинство книги, а смыслъ буквальный отвергали, какъ соблазнительный?.. Или, можетъ быть, не могли видѣть въ книгѣ того, что непосредственно представлялось, не могли понять буквальнаго смысла ея? Вѣрно, глубоко же сокрытъ этотъ смыслъ, когда только усилія и натяжки ученыхъ ХІХ вѣка могли открыть его!...

Кромѣ двухъ важныхъ доказательствъ аллегорическаго пониманія Пѣсни Пѣсней въ церкви іудейской, заключающихся въ самомъ надписаніи ея и принятіи въ канонъ, іудейскіе учителя оставили намъ нѣсколько прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, что книга эта была понимаема исключительно въ аллегорическомъ смыслѣ, и никакое другое пониманіе не имѣло мѣста въ іудейской церкви. Мы ссылаемся на Талмудъ древній, на позднѣйшаго Абенъ-Ездру и на сохраненное Іеронимомъ преданіе о томъ, что, для предотвращенія злоупотребленій и соблазна, въ церкви іудейской было запрещеніе: *nec principia Geneseos, nec Canticum Canticorum, nec hujus voluminis (i. e. Iesechielis) exordium et finem legere, ut ad perfectam scientiam et mysticos intellectus plenum humanae naturae tempus accedat.*

Въ Церкви христіанской отъ первыхъ вѣковъ и до послѣдняго времени аллегорическое пониманіе Пѣсни Пѣсней было единственнымъ и всеобщимъ. Въ первыхъ вѣкахъ представителемъ такого пониманія ея является Оригенъ. Блаженный Теодоритъ въ предисловіи своемъ къ толкованію Пѣсни Пѣсней (также аллегорическому) послѣдователями такого же пониманія называетъ всѣхъ отцевъ древнѣйшихъ, ближайшихъ ко временамъ Апостоловъ, и потомъ поименно—Евсевія, Оригена, Кипріана, Василия Великаго, двухъ Григоріевъ, Іоанна Златоустаго, и всѣхъ послѣ вихъ до его времени. Кромѣ упомянутыхъ Теодоритомъ отцевъ, въ аллегорическомъ же смыслѣ изъясняли Пѣснь Пѣсней св. Амвросій, блаж. Іеронимъ, Августинъ, Григорій Великій. По раздѣленіи церквей то же пониманіе осталось не только въ православной Церкви Восточной, но и между знаменитыми католическими учеными, каковы, напримѣръ, Бернадтъ, Тома Аквинатъ, Жерсонъ и другіе. И между самими протестанскими учеными никакое дру-

гое пониманіе не имѣло мѣста почти до самаго XVIII вѣка, до времени полуневѣрія и предубѣжденій противъ священ-ныхъ истинъ и преданій; съ тѣхъ поръ, впрочемъ, и до-селѣ буквальное пониманіе держится только въ школахъ про-тестантскихъ, а не въ церкви.

Нѣкоторые изъ защитниковъ буквального пониманія кни-ги Пѣснь Пѣсней стараются ослабить силу историческихъ доказательствъ въ пользу аллегорическаго пониманія, или найти въ исторіи хотя какія-нибудь основанія для букваль-наго пониманія; но въ томъ и другомъ случаѣ свидѣтель-ства исторіи до того противорѣчатъ имъ, что они не могутъ ни одного изъ нихъ обратить въ свою пользу, не исказивъ его первоначальнаго смысла. Такъ, нѣкоторые, признавая по-длинность приведенныхъ нами свидѣтельствъ іудейскихъ и хри-стіанскихъ учителей объ аллегорическомъ пониманіи книги въ древней Церкви, возражаютъ, что эти свидѣтельства еще ни-чего не доказываютъ, потому что будто бы они принадлежатъ временамъ сравнительно позднѣйшимъ, въ которыя первоначальный смыслъ книги могъ быть утраченъ или искаженъ. Опровергать это предположеніе, разумѣется, нечего; потому что оно само рушится, не имѣя для себя ни малѣйшей исто-рической опоры. Въ подтвержденіе его приводятъ только то, что послѣдніе вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ и пер-вые послѣ онаго, отъ которыхъ остались намъ первыя сви-дѣтельства объ аллегорическомъ пониманіи Пѣсни Пѣсней, были вѣка аллегоріи и мистицизма, что тогда старались оты-скивать аллегорическій смыслъ во всѣхъ остаткахъ древнихъ литературъ: Персидской, Индійской, даже въ произведеніяхъ Гомера; той же участи, прибавляютъ, подверглась, вѣроятно, и Пѣснь Пѣсней. Въ отвѣтъ на это можно только спросить, отчего же не подверглись участи аллегорическаго перетолко-ванія прочія историческія книги В. Завѣта, отчего только нѣ-которыя книги и между ними Пѣснь Пѣсней всѣ единогласно объясняли въ таинственномъ смыслѣ?—Стараются еще нахо-дить слѣды буквального пониманія Пѣсни Пѣсней въ тѣхъ вѣкахъ, изъ которыхъ мы привели свидѣтельства объ аллего-рическомъ пониманіи ея, и, что всего замѣчательнѣе, въ этихъ же самыхъ свидѣтельствахъ. Но всѣ возраженія противъ ал-легорическаго смысла книги основываются при этомъ случаѣ на искаженномъ пониманіи нѣсколькихъ словъ, взятыхъ безъ соотношенія съ полнымъ смысломъ указанныхъ свидѣтельствъ.

Вообще, всѣ попытки найти для буквального или типиче-скаго пониманія Пѣсни Пѣсней историческое основаніе, оста-

ются безъ успѣха; и безпристрастнѣйшіе изъ послѣдователей того и другаго пониманія сами сознаются, что исторія говоритъ исключительно за аллегорическое пониманіе. Ссылки на нѣкоторыхъ представителей буквального пониманія книги въ вѣкахъ древнихъ всего лучше показываютъ, что всѣ попытки инаго пониманія Пѣсни Пѣсней, кромѣ аллегорическаго, всегда были принимаемы какъ исключеніе, и, какъ заблужденіе, всегда были встрѣчаемы всеобщимъ нерасположеніямъ и влекли за собою неприятели предпривимавшимъ ихъ. Только съ прошедшаго вѣка такія попытки стали встрѣчать сочувствіе и имѣть успѣхъ. Источникомъ этого было распространившееся недовѣріе, даже, можно сказать, открытое предубѣжденіе противъ священныхъ откровенныхъ преданій древности.

Мы останавливаемъ особенное вниманіе на историческихъ доказательствахъ аллегорическаго пониманія книги Пѣснь Пѣсней потому, что считаемъ эти доказательства важнѣйшимъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ истины. Богословскія доказательства не могутъ здѣсь имѣть особеннаго значенія для противниковъ аллегорическаго смысла. Но, чтобы отвергать доказательства, они должны заподозрить смыслъ и безпристрастіе цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій, должны заподозрить истину исторіи; а это будетъ противно не только началамъ вѣры, къ которымъ они и не питаютъ, можетъ быть, большаго уваженія, но и требованіямъ здравой критики, во имя которой дѣйствуютъ.

Не имѣя возможности подорвать значеніе историческихъ основаній аллегорическаго пониманія Пѣсни Пѣсней, противники его стараются доказать его несостоятельность нѣкоторыми, якобы заключающимися въ немъ, недостатками и противорѣчіями. Вотъ главнѣйшія возраженія ихъ по сему предмету, а вмѣстѣ и основанія для другаго пониманія.

1) „Писатель книги Соломонъ не могъ дать ей аллегорическаго значенія, потому что аллегорическое представленіе народа, или церкви Израильской, подъ образомъ отроковицы, равно какъ представленіе отношеній Иеговы къ народу и церкви подъ образомъ отношеній брачныхъ, во время Соломона еще не представляется выработаннымъ, и начинаетъ употребляться у Ветхо-завѣтныхъ писателей только со временъ (будто) пророка Амоса“. Но защитниками аллегорическаго смысла положительно доказано, что это представленіе неоднократно употреблено еще въ Пятокнижій Моисеевомъ, и что эти мѣста именно принадлежатъ Моисею, а не вставка позднѣйшей руки (Исх. 34, 15. Лев. 17, 7. 20, 5. Вт. 31, 16 и др.).

2) „При аллегорическомъ пониманіи книги Мессіанская идея и судьбы церкви представляются въ такой полнотѣ и съ такими подробностями, въ какихъ они никогда не были присущи сознанию іудейскаго народа, и какихъ нельзя было ожидать отъ времени Соломона, потому что въ такихъ чертахъ они не были открываемы не только до Соломона, но и ни одному изъ позднѣйшихъ Ветхо-завѣтныхъ пророковъ“.—Это возраженіе также мало имѣетъ силы. Не смотря на всю постепенность въ пророческомъ раскрытіи какой либо идеи, мы не можемъ опредѣлить границъ, до которыхъ можетъ простирается прозрѣніе Пророковъ. У Моисея есть такія подробности въ предсказаніяхъ о будущей судьбѣ народа Еврейскаго (наприм. въ 31-й главѣ Второзаконія), которыхъ не могли себѣ представить не только современники Моисеевы, а и жившіе нѣсколькими вѣками позже его; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что мы должны сомнѣваться въ предсказаніи Моисеевомъ. При томъ не справедливо то, что въ Пѣсни Пѣсней находится что-либо такое, что, напр., по закону постепеннаго откровенія Мессіанской идеи въ народѣ Еврейскомъ не могло принадлежать времени Соломона, что не было даже будто бы открыто ни одному изъ Пророковъ Ветхо-завѣтныхъ. Напротивъ, изъ параллелизма св. книгъ Ветхаго Завѣта видно, что не только въ главной мысли, но и во всѣхъ почти подробностяхъ пророческій смыслъ Пѣсни Пѣсней не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы могло намъ показаться необычайнымъ для Ветхо-завѣтной церкви и для времени Соломона, что всѣ черты пророчества, находимаго въ этой книгѣ аллегорическимъ пониманіемъ, въ большемъ или меньшемъ свѣтѣ раскрыты въ пророчествахъ другихъ книгъ Ветхаго Завѣта не только послѣ времени Соломона, но и до него. Что же касается до того, что эти черты не были присущи сознанию іудейскаго народа, то изъ исторіи Христа извѣстно, что народъ ослѣпленный не понималъ многихъ яснѣйшихъ и гораздо чаще высказываемыхъ пророчествъ о Мессіи.

3) „Если бы книга Пѣснь Пѣсней заключала въ себѣ смыслъ аллегорическій-прообразовательный, то, при описаніи Ново-завѣтныхъ событій, у Евангелистовъ и Апостоловъ были бы снесенія прообразовъ этой книги съ прообразуемымъ. Между тѣмъ, во всемъ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ ни одного прямого упоминанія о Пѣсни Пѣсней“.—Правда, прямой цитаты нѣтъ, но защитники аллегорическаго смысла приводятъ изъ Евангелія и Посланій цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ находятся обра-

зы изъ Пѣсни Пѣсней. Противники аллегорическаго смысла, объясняютъ это случайнымъ сходствомъ, совпаденіемъ рѣчи объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, живостью и естественностью образовъ, по которой они сами собою, безъ всякаго предварительнаго напомниманія о Пѣсни Пѣсней, были употребляемы въ Новомъ Завѣтѣ, какъ скоро рѣчь заходила о тѣхъ же предметахъ. Мы не намѣрены ничего говорить противъ такого объясненія. Та и другая сторона можетъ понимать эти мѣста по своему. По крайней мѣрѣ, ни та, ни другая не должна употреблять этого обоюднаго орудія при взаимномъ спорѣ.

4) При аллегорическомъ пониманіи Пѣсни Пѣсней многіе образы ея являются будто-бы недостойными, напр., Христа и Церкви, къ которымъ они прилагаются, а нѣкоторые остаются безъ всякаго значенія. — Но нужно помнить, что по смыслу аллегорическаго пониманія, образы, повидимому соблазнительные, прилагаются къ Лицу Христа и Церкви не въ прямомъ, а въ переносномъ же значеніи; причемъ они являются вполне приличными изображаемымъ предметамъ. Что же касается до тѣхъ мѣстъ книги, которыя должны, будто бы, при аллегорическомъ толкованіи, остаться безъ всякаго значенія, то нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, имѣютъ свое полное значеніе, и возражатели приводятъ ихъ противъ аллегорическаго толкованія, не справившись напередъ съ этимъ толкованіемъ. — Впрочемъ, мы въ семъ случаѣ готовы согласиться съ тѣми умѣренными изъ аллегористовъ, которые поставляютъ за правило — не искать съ натяжкой въ каждой малѣйшей чертѣ, въ каждомъ второстепенномъ образѣ, высшаго таинственнаго смысла.

5) „При аллегорическомъ пониманіи въ книгѣ недостаетъ естественнаго единства и связи, и вообще толкованію здѣсь открывается неограниченный произволъ.“ — Судить объ этомъ предметѣ не беремся, равно какъ и противники не имѣютъ на это права. Аллегористы руководствуются при своемъ толкованіи руководствомъ высшимъ, и подвергать сужденію ихъ толкованія нужно съ ихъ же высшей точки зрѣнія, не всегда доступной для обыкновенной критики.

6) „Во всемъ Вѣтомъ Завѣтѣ нѣтъ ни одной книги, которая бы вся была аллегорическаго и исключительно аллегорическаго содержанія.“ — Но и во всемъ Новомъ Завѣтѣ, кромѣ Апокалипсиса, нѣтъ ни одной книги, которая бы вся была аллегорическаго содержанія, да изъ этого не слѣдуетъ, что

Апокалипсисъ должно понимать въ буквальномъ смыслѣ. Впрочемъ, мы и не думаемъ вѣдь утверждать того, что въ книгѣ вовсе нѣтъ буквальнаго элемента; внѣшняя нормальная сторона слова, образы употребляются здѣсь, какъ и во всемъ Священномъ Писаніи, обыкновенные человѣческіе, и могутъ быть объясняемы филологически, представляемы въ естественномъ ихъ единствѣ, порядкѣ и связи. Но здѣсь и должна быть граница буквальному толкованію; сущность книги,— предметъ ея есть чистая аллегорія. Позволяемъ себѣ думать, что и древніе толкователи не потому держались исключительно аллегорическаго пониманія книги, что вовсе отвергали въ ея внѣшней сторонѣ буквальный смыслъ, но потому, что при высшемъ духовномъ прозрѣніи не считали нужнымъ обращать много вниманія на внѣшнюю сторону.

7) „Образъ аллегорическаго пониманія книги неоднократно измѣнялся. Иудейская церковь видѣла въ ней такую аллегорію, христіанская — иную. Между самими христіанскими толкователями было нѣсколько различныхъ взглядовъ, и нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ насъ своею странностью, и несомвѣстностью съ самыми истинно христіанскими понятіями. При этомъ нѣтъ никакого критерія къ открытію и утверженію вѣрнѣйшаго аллегорическаго пониманія, и потому лучше обратиться къ буквальному смыслу книги.“ — Возраженіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ справедливое. Но и Церковь, утверждающая истину аллегорическаго пониманія, не признаетъ многихъ ложныхъ попытокъ аллегорическаго толкованія книги. У нея есть и средство къ избранію истиннаго, вѣрнѣйшаго аллегорическаго пониманія. Въ семъ случаѣ главнѣйшимъ руководствомъ нашимъ служатъ признанныя всею церковію согласныя толкованія древнихъ отцевъ. Можно имѣть довѣріе и къ тѣмъ изъ писателей, которыхъ толкованія основаны на точнѣйшемъ и повсюдномъ параллелизмѣ Пѣсни Пѣсней съ другими св. книгами. Не заслуживаютъ, кажется, осужденія и тѣ толкованія, которыя предпринимаются подъ влияніемъ добрыхъ настроеній сердца съ пользою для христіанской нравственности, хотя и кажущіяся не совсѣмъ точными. Потомъ, мы позволяемъ себѣ согласиться съ тѣмъ, что при аллегорическомъ толкованіи должно держаться буквальнаго смысла внѣшней стороны книги, если только онъ не искаженъ произвольными объясненіями.

Наконецъ, 8) послѣднее доказательство несостоятельности аллегорическаго пониманія книги, приводимое противниками

его, состоитъ въ томъ, что аллегоріки для подтвержденія истины своего толкованія прибѣгаютъ верѣдко къ доказательствамъ фальшивымъ, слабымъ, натянутымъ. — Нельзя не согласиться съ этимъ. Нѣкоторыя изъ доказательствъ, до сихъ поръ приводимыя въ защиту аллегорическаго пониманія, дѣйствительно, кажутся, только ослабляютъ, а не подкрѣпляютъ истину. Не подрывая истины аллегорическаго пониманія, для полноты и безпристрастія сужденія о немъ, мы можемъ подвергнуть критикѣ и эти доказательства.

1) Думаютъ усилить твердость историческихъ основаній для аллегорическаго пониманія книги ссылкой на нѣкоторыя неясныя и обоюдныя свидѣтельства. Такъ а) ссылаются на слова Сираха 47, 18 ст. *„пройде имя твое во острова далеке, и возлюбленъ былъ еси въ миръ твоємъ.“* Но и ревностнѣйшіе изъ поборниковъ аллегорическаго пониманія признаютъ, что находить въ этихъ словахъ указаніе на пророческое значеніе Пѣсни Пѣсней будетъ натяжка б) Думаютъ находить слѣды аллегорическаго пониманія книги въ древнѣйшихъ переводахъ ея, напр у LXX: 4 гл. 8 ст. Несмотря на то, что и нѣкоторые изъ противниковъ признаютъ вліяніе аллегоріи на переводчиковъ, кажется, справедливѣе будетъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ переводѣ вышеозначеннаго стиха ошибку переводчиковъ, а не намѣренное указаніе на аллегорическій смыслъ книги. в) Приводятъ изъ Іосифа Флавія то мѣсто, въ которомъ онъ книгу Пѣсни Пѣсней причисляетъ къ пророческимъ. Но какъ въ томъ же самомъ мѣстѣ Флавій и всѣ историческія книги Ветхаго Завета причисляетъ къ пророческимъ, то его свидѣтельство болѣе можетъ благопріятельствовать типическому (историческо — прообразовательному) пониманію школы Гофмана, нежели аллегорическому.

2) Доказываютъ аллегорическій смыслъ Пѣсни Пѣсней отношеніемъ ея къ 44 псалму, который есть какъ бы сокращеніе ея и, между тѣмъ, имѣетъ смыслъ аллегорическій. Доказательство это не имѣетъ значенія для противниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ отвергаютъ (и не безъ нѣ котораго основанія) соотношеніе между псалмомъ и книгою; а другіе отвергаютъ аллегорическій смыслъ того и другой. Впрочемъ, для аллегориковъ онъ имѣетъ полное значеніе.

3) Приводятъ въ доказательство параллелизмъ Пѣсни съ позднѣйшими книгами Ветхаго и Новаго завета, въ которыхъ находятся выраженія и образы, употребленныя въ ней, и приводятся въ аллегорическомъ смыслѣ, очевидно (прибавляютъ)

на основаніи сей книги. Подобное снесеніе сходныхъ мѣстъ въ св. книгахъ можетъ имѣть важное значеніе, но только для людей, уже заранѣе убѣжденныхъ въ аллегорическомъ пониманіи книги, а для предубѣжденныхъ противниковъ не имѣеть. Ни въ одномъ изъ означенныхъ мѣстъ нѣтъ прямого указанія на Пѣснь Пѣсней — и противники аллегорическаго пониманія имѣютъ полное право (какъ это мы и видѣли въ третьемъ изъ выше представленныхъ возраженій ихъ) съ своей точки зрѣнія утверждать, что эти образы были употребляемы писателями позднѣйшими Пѣсни Пѣсней безъ всякаго соотношенія съ этою книгою, тѣмъ болѣе, что самые поборники аллегорическаго смысла подобные же образы и выраженія находятъ у писателей, предшествовавшихъ Соломону, которые, конечно, заимствовали ихъ не изъ Пѣсни Пѣсней.

4) Самымъ общеупотребительнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ несостоятельнымъ, способомъ доказательства кажется намъ тотъ, по которому истинность аллегорическаго пониманія Пѣсни Пѣсней стараются доказать нелѣпностью толкованій инаго рода. Здѣсь, главнымъ образомъ, указываютъ на то, что различные образы и эпитеты, прилагаемые въ Пѣсни Пѣсней къ лицу возлюбленнаго и возлюбленной, противорѣчатъ между собою при буквальномъ пониманіи, и являются не приложимыми къ лицу того и другой, что многія сравненія и гиперболы, особенно въ рѣчахъ возлюбленнаго, являются странными и неестественными, что нѣкоторыя мѣста въ книгѣ не объяснимы при буквальномъ пониманіи, что вообще Пѣснь Пѣсней въ буквальномъ смыслѣ своемъ является произведеніемъ нестройнымъ и нелѣпымъ. Эти доказательства могли еще имѣть нѣкоторую силу противъ такихъ неудачныхъ попытокъ буквальнаго толкованія книги, каковы были въ прежнія времена попытки, напр., Кастеллія, Гроція, Ричарда Симона, о которыхъ теперь неодобрительно отзываются самые послѣдователи буквальнаго пониманія. Но въ настоящее время буквальные толкованія книги далеко не таковы, такъ что въ двухъ толкованіяхъ Делича и Мейера мы не нашли ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, какіе обыкновенно ставятся въ упрекъ буквальному толкованію. Противорѣчіе въ образахъ и эпитетахъ, прилагаемыхъ къ лицамъ дѣйствующимъ, устраняются у Мейера раздѣленіемъ лицъ Соломона и возлюбленнаго, а у Делича характеромъ и образомъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ. Неестественность сравненій и гиперболъ, особенно въ рѣчахъ Соломона, опровергнута еще Магнусомъ, который изъяснилъ

ихъ изъ образа восточной рѣчи, и каждому сравненію и гиперболѣ нашель соотвѣтствующія и въ другихъ поэтическихъ произведеніяхъ востока; а Деличъ и Мейеръ, кромѣ того, находятъ основанія такихъ именно гиперболъ и сравненій въ характерахъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. И вообще въ изложеніи Мейера и особенно Делича Пѣснь Пѣсней является такимъ стройнымъ, прекраснымъ, художественнымъ произведеніемъ, что если бы кто захотѣлъ опредѣлять достоинство и вѣрность каждаго изъ трехъ пониманій Пѣсни Пѣсней на основаніи того, какое изъ нихъ придаетъ болѣе художественной стройности и красоты книгѣ, то выводъ, можетъ быть, всего менѣе былъ бы благопріятенъ аллегорическому пониманію. Такимъ образомъ, приведенныя въ этомъ пунктѣ доказательства аллегорическаго пониманія книги, при современномъ развитіи буквальнаго и типическаго пониманія, кажется, должны быть оставлены. Да и вообще, доказывать достоинство своего возрѣнія нелѣпостью чужаго, кажется, не всегда и не совсѣмъ справедливо; и особенно это не должно имѣть мѣста въ доказываніи истинъ важныхъ и священныхъ, которыхъ твердость не нуждается въ фальшивыхъ подпорахъ. Кромѣ того, не совсѣмъ справедливо со стороны защитниковъ аллегорическаго смысла упрекать противниковъ въ нестройности изложенія книги, въ неудачномъ изъясненіи нѣкоторыхъ мѣстъ ея, признавая въ то же время, что и при аллегорическомъ пониманіи нельзя безъ натяжки объяснять нѣкоторыхъ стиховъ, или поставляя за правило — не искать ни въ цѣлой книгѣ какаго либо опредѣленнаго порядка, ни въ каждомъ отдѣльномъ образѣ — опредѣленной аллегоріи.

5) Наконецъ, думаютъ поколебать довѣренность къ буквальному толкованію Пѣсни Пѣсней указавіемъ на то, что источникомъ его было невѣріе, вольномысліе, что первоначальные представители его были еретики, — что, наконецъ, различные опыты его противорѣчили и противорѣчатъ другъ другу.

Все это имѣетъ только относительное значеніе. Нечистый источникъ буквализма можетъ усилить недовѣріе къ нему только въ тѣхъ, которые и безъ того не довѣряютъ ему. А самыя защитники его совсѣмъ инаго мнѣнія объ этомъ предметѣ; они хвалятся началами своей партіи, раціонализмъ считаютъ торжествомъ истины, древнихъ еретиковъ, предпринимавшихъ первыя попытки буквальнаго толкованія книги людьми, смотрящими далѣе кругозора своего времени. Что же касается до противорѣчій между самыми послѣдователями буквальнаго по-

ниманія, то ставить его въ упрекъ противникамъ своимъ аллегористы могли бы только тогда, когда бы сами всѣ согласны были въ одинаковомъ пониманіи кви́ги. Но, при дѣйствительномъ положеніи дѣла, тотъ же упрекъ не безъ основанія обращаютъ противъ нихъ и ихъ противники. Дѣйствительно, на нашей сторонѣ можетъ быть то оправданіе, что таинственный смыслъ понимать труднѣе, нежели буквальный, и здѣсь можетъ быть болѣе мѣста ошибкамъ и злоупотребленіямъ; но и противники могутъ оправдывать недостатки и противорѣчія своей стороны трудностью пониманія древнихъ восточныхъ литературъ, новостью метода раціональнаго изъясненія еврейскихъ поэтическихъ произведеній и т. п. Вообще, о приведенныхъ нами доказательствахъ можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ могли имѣть только прежде нѣкоторое значеніе, другія имѣютъ силу доказательства только для тѣхъ, которые уже убѣждены въ истинѣ аллегорическаго пониманія, а нѣкоторые не имѣютъ никакого значенія. Кромѣ того, почти каждое изъ нихъ таково, что можетъ быть обращено въ противную сторону. Поэтому кажется лучше было бы оставить ихъ безъ употребленія. Истина аллегорическаго пониманія чрезъ это ничего не потеряла бы. Неопровержимое свидѣтельство исторіи, авторитетъ непрерывнаго, въ продолженіи двухъ тысячелѣтій, преданія не нуждаются для подкрѣпленія своего въ подпорахъ слабыхъ и обветшавшихъ, и истина аллегорическаго толкованія Пѣсни Пѣсней остается и останется непоколебимой.

Тула. 20 Іюня, 1900 г. Дозволено цензурою.

Протоіерей *Георгій Пановъ*.
